

Гектору пришлось не торопиться. После своего последнего сеанса медитации он едва чувствовал себя собой. В некоторых отношениях. А в то же время в других он чувствовал себя собой больше, чем когда-либо.

Это называлось ясностью разума? Ха. Может, даже озарением?

Ха.

Ха-ха-ха.

Было бы забавно. Если бы он достиг озарения в пещере под водопадом.

Нет. Он был вполне уверен, что дело не в этом. Как можно достичь озарения, если даже не знаешь, что это такое? Наверное, просто модное словечко. Модное ещё с древности.

Та, да плевать.

Всё, что он знал, так это то, что ему было хорошо. Не обязательно в физическом плане... и не в психологическом, если подумать о том, что сейчас творилось с миром, просто... хорошо.

Комфортно, в каком-то смысле.

Что, отчасти, по-своему тревожило. Не слишком ли вся эта медитация его расслабляла?

Вот уж мысль, какой он не ожидал. Куда делась тревога? Она явно была где-то внутри. Он знал, точно внутри. По крайней мере, не смел надеяться, что её больше нет.

Да. Гектор не сомневался, что рано или поздно она покажется вновь.

Что не было... реально так уж плохо. Ведь это тоже часть него. Тревожность. По крайней мере, это он теперь понимал. И на каком-то уровне, пожалуй, от неё тоже была польза. Как минимум... она... поддерживала его бдительность.

Мгм. Каким бы приятным ни было ощущение полного удовлетворения, он не думал, что хочет чувствовать его всё время. Оно казалось каким-то неправильным. Неподходящим ему.

А теперь он озадачил сам себя. Как ему удалось заставить себя почувствовать дискомфорт из-за комфорта? Это точно какой-то новый уровень тупости с его стороны. Может, это и было реальное достижение всех медитаций. С каждым новым просветлением открывать ступени лестницы, ведущей на всё новые уровни тупости.

Что ж, зато теперь он снова чувствовал себя собой.

..

Следующие несколько дней в Уоррене были вполне тихими. Благословенное спокойствие было приятным изменением ритма их жизни.

Все ждали новостей из Ванталэя – новостей, которые приходили через жнецов каждое утро, в обед, и ночью. Судя по ним, битва в Риджмарке шла достаточно неплохо, хотя и длилась уже довольно долго. Никто из их знакомых пока не погиб. Город почти сдался, но сейчас, когда рейнлорды присоединились к бою, они защитили все подходы и каждый день заставляли объединённые силы Избавления и ВПР отступать всё дальше.

Были даже разговоры о том, чтобы продолжить сражаться за пределами Риджмарка и двигаться дальше, чтобы попытаться обойти вторгающихся в Цзакоа солдат Ванталэя со спины и, может быть, закончить целый фронт войны.

К счастью, это были просто разговоры. После недавней атаки на Уоррен все рейнлорды хотели как можно скорее вернуться.

Гектору было интересно, что произойдёт, когда они вернутся. Даже просто из новостей, переданных жнецами, он чувствовал, что их общее настроение сильно переменялось.

Что было только естественно, конечно же, раз они вернули своих потерянных родных. Потрясающая победа с их стороны.

Историческая, на самом-то деле. Одна из тех, о которых они будут рассказывать поколениями. Как победа в Магарабаре, когда Близнецы Редуотер положили Пилозубого Генерала, одного из самых известных и кровожадных лидеров империи Моссиан. Или победа в Денове, когда Кассий Мерло, Водяной Дракон своего времени, повёл группу рейнлордов на защиту небольшого острова в Лютике, ставшего стратегически важным после того, как его захватили молодой Дозер и человек-монстр по имени Суреш.

Было немного странно думать о том, что так много людей вернутся в Уоррен. Так много рейнлордов, которых он даже никогда не встречал.

Действительно странно.

Он не мог не размышлять о том, что они подумают о нём. Потому что его репутация среди рейнлордов была довольно... необычной. Каким его увидят все эти люди?

Это несколько нервировало. Он практически боялся их возвращения.

Но лишь практически. Всего лишь проскочившая мысль. Отвлекающая от настоящих, важных дел, требующих решения.

В то время как почти все воинственные рейнлорды отправились в путь, в Уоррене всё ещё оставалось немало таких. Временами ему даже не хотелось с ними разговаривать, потому что воины, как это было принято, имели довольно шумный нрав, но это всё невольно представлялось возможностью узнать их получше.

Как Блэкбёрнов, например. Нир Блэкбёрн, в частности. Её муж, Измаил, был убит Продавцом Смерти в Зале Дюн – смерть, которую Гектор видел своими собственными глазами.

И несмотря на то, что Нир поставили новой главой семьи, на самом деле тяжесть управления легла на плечи Горацио.

Из всего, что Гектор видел и слышал, выходило, что с тех пор Нир чувствовала себя не очень хорошо – по очевидным причинам.

Её жнец, Сенция, в то же время, была совсем иной. Получался сильный контраст каждый раз, как Гектор оказывался рядом с ними двумя. Сенция вела их за собой, разговаривала – даже радостно – в то время как Нир безмолвно шла за ней, с опущенными плечами и блуждающим взглядом. Трудно было понять, слушала ли она их хотя бы.

Он хотел что-нибудь ей сказать, каждый раз, как появлялась такая возможность, но это ощущалось каким-то неправильным. Или он просто не мог найти слов.

С Сенцией, с другой стороны, говорить было просто, как и с большинством жнецов, но Гектор постоянно чувствовал себя застрявшим между ней и этой бедной женщиной.

А ещё начинал думать, что, возможно, сейчас ей требовались не слова. Возможно, она нуждалась в настоящих, осязаемых жестах.

Поэтому в свободное время, полагаясь на помощь ещё нескольких Блэкбёрнов, он работал над подарком – в некотором роде. Не обязательно лично для Нир – он надеялся, что другие рейнлорды тоже смогут им воспользоваться – но в первую очередь хотел показать это именно ей.

С небольшой группой Блэкбёрнов, следующих за ним, включая Нир и Сенцию, он открыл дверь в первое полностью восстановленное святилище в Уоррене.

По стандартам Уоррена комната была довольно скромной – в районе двадцати человек могли войти внутрь, не толкаясь локтями. Старую радужную плитку отмыли и обновили. Никаких больше трещин и проломов. Вся она блестела от чистоты и новизны.

Правда, радужный цвет оставили лишь на одной стене. Подумав об этом, Гектор пришёл к мнению, что некоторые из людей, заинтересованные святилищем как местом духовного покоя и медитации, будут не слишком рады таким «громким» цветам со всех сторон. Матовые стены, которые они могли украсить по своему желанию, должны были понравиться им больше.

Хотя именно в этом святилище он сосредоточил свои исследования на рейнлордах и их истории, а не только на древних религиозных мировоззрениях. Насколько он понимал, многие из их современников, если не все, больше не верили в мифы древности, поэтому он хотел, чтобы святилище служило для них историческим местом.

Надеялся на это.

Поэтому внутри был стол полный свечей и чаш для горящих благовоний. Ещё стояли стулья, матрасы, и высокие столбы для продвинутых техник медитации. А ещё большой водоём в центре с длинным, вытянутым жестяным краником, закрученным у самой вершины, из которого раз в триста секунд падала капля воды.

Последняя штука, по словам некоторых жнецов, была древним идолом в их религии, представляющим то, как Бог Всея Воды, Лютве, создал каждую каплю воды, что когда-либо существовала или будет существовать.

И это офигенно круто выглядело, по его мнению, поэтому он был рад видеть, как лица Блэкбёрнов загорелись, увидев его здесь, особенно у некоторых жнецов, которых он расспрашивал на эту тему, не называя причину своего интереса.

Сенция вся растворилась в похвале и смехе, чему Гектор был особенно рад, но Нир, к несчастью, осталась такой же. Всё ещё с этим пустым, стеклянным взглядом, блуждающим вокруг.

Но Гектор не был разочарован. Он всё понимал.

Впрочем, была ещё одна штука, ждущая демонстрации. Он решил оставить её напоследок, решив, что из этого получился наилучший сюрприз, но теперь, когда пришло время, неожиданно понял, что не может найти на это решительности и думает лишь о том, каким боком всё может выйти.

Бросив ещё один взгляд на ждущих Блэкбёрнов, Гектор избавился от этой мысли и начал убирать занавес с дальнего угла комнаты.

Перед ними начал открываться громадный шкаф с несколькими небольшими статуями и мемориальной доской.

— Знаю, сейчас он выглядит довольно пустым, — сказал Гектор превентивно, — но я подумал,

что должен оставить побольше места для вас и других домов, чтобы вы могли добавить, что захотите.

Статуэтки были сделаны из отполированного камня. Он заказал их у скульптора с другой стороны горы.

Каждый человек, потерявший жизнь в Зале Дюн, получил место на этой доске или собственную статуэтку.

Измаил Блэкбёрн находился в самом центре.

Гектор знал его не так долго, но чувствовал, что мужчина заслужил такую честь.

Он подумывал о том, чтобы материализовать все статуи из своего железа – и даже сделал это в качестве тренировки – но оказалось удивительно трудно в точности повторить облик настоящих людей, особенно в миниатюрной форме. Хотя он был уверен, что в итоге у него бы получилось, Гектор пришёл ко мнению, что делать их в железе всё равно не стоит.

Во вполне вероятном случае, если однажды он снова попадёт в ситуацию на грани жизни и смерти здесь, в Уоррене, ему бы не хотелось, чтобы любая деликатная работа занимала бы часть его объёма. Нетрудно было представить ситуацию, в которой он быстро и без раздумий уничтожает всё железо, какое есть, для освобождения объёма, и он не хотел в это время беспокоиться о том, чтобы случайно не уничтожить нечто важное с исторической точки зрения.

Не говоря о том, что так получалось более значимо. Даже если это требовало продвинутых навыков, использование материализации – практически как обман, нет? Было нечто особенное в том, чтобы такую работу делал профессионал.

Хотя, может, если бы у него было свободное время, чтобы сделать всё идеально, он бы сделал всё сам. Потому что в работе, сделанной собственными руками, тоже было значение.

Если бы.

Впрочем, эмоции Блэкбёрнов... это было что-то. Улыбки на их лицах. Слезы в их глазах. Серьёзные кивки – поддержки, как он надеялся – пока они подходили и смотрели вблизи.

Да. Это одно стоило любых усилий.

Он пытался не пялиться на госпожу Нир, но было трудно не уделять её реакции особое внимание, раз именно за неё он больше всего беспокоился.

И он увидел, как она медленно приближается к шкафу с этим своим пустым взглядом.

— «Это так чудесно с Вашей стороны, лорд Гофф! — сказала Сенция из-за его плеча. — Словами не описать, как много это значит не только для дома Блэкбёрн, но и для всех наших родных. На самом деле, возможно, нам стоит...»

Её голос затих – видимо, она тоже начала замечать Нир. Как и все остальные.

Небольшая группа разошлась, пока она двигалась к статуе Измаила, и наконец потянулась к ней обеими руками. Она осторожно подняла её и поднесла к своему лицу.

Статуя размером была примерно с её голову и изображала его в костюме с фотографии, которую дал Гектор. Насколько он мог судить, скульптор воссоздал образ фантастически детально.

И, возможно, леди Нир посчитала так же, потому что она начала плакать. И рухнула на колени.

Блэкбёрны вновь собрались вокруг неё, положили руки на плечи женщины и начали пытаться поднять её на ноги.

Но затем плач превратился в рыдание и, внезапно, она перестала быть такой тихой. Святилище заполнил звук тяжёлого дыхания и шмыганья носом.

Как вдруг она снова начала двигаться, пытаясь вырваться из рук родных, теперь более энергично пытающихся поставить её на ноги. Она закричала что-то нечленораздельное и упала прямо в ноги Гектора. Он сам попытался помочь ей встать, но она оттолкнула его и отползла, продолжая прижимать статую к себе.

Её крики напоминали вой, когда она сбежала из комнаты и исчезла.

Сенция погналась за ней первой, но остальные Блэкбёрны отстали не сильно, оставив позади только Гектора, севшего жопой на пол, и Гарвеля, парящего рядом.

— «Ну, могло пройти и лучше», — сказал жнец.

— «Твою мать, — сказал Гектор, ещё не поднимаясь. — Теперь... теперь я даже не знаю, чего я ожидал, если честно»

— «Подозреваю, ты ожидал, что её это обрадует, нет? Или, по крайней мере, оставит грустной, но практически радостной, да?»

— «Ага, типа, но, как бы... угх... не знаю. Чувствую себя идиотом»

— «Не вини себя за это, — сказал жнец приватно. — И, что ещё важнее, не позволяй этой неудаче мешать другим твоим попыткам. Невозможно заранее узнать, кто и как отреагирует, но это не означает, что нужно прекратить попытки сделать приятные вещи»

Он предполагал, что жнец прав. И это правда, что остальным Блэкбёрнам понравилось. Он просто надеялся, что не сделал хуже - каким-то образом.

Нужно было навестить их попозже.

А пока дел и так хватало. Он мог начать показывать святилище остальным домам, но после такой катастрофы настроение как-то ушло. Может, стоило попросить госпожу Роджерс сделать это за него. Или подождать, пока остальные рейнлорды вернутся из Ванталэя.

Ещё у него была гора писем, ждущих прочтения. Вот с этим госпожа Роджерс ему сильно помогала, но он хотел разобраться сам хотя бы с частью. Как минимум было интересно посмотреть всё то, что слали люди, которых он даже не знал.

В основном еду. Много, очень много еды. Торты и пироги, булки и печенье. О, а ещё огромная, запечатанная коробка, полная замороженного мяса от семьи фермеров из Лорента. В приложенном письме они говорили, что хотели бы нанести ему визит или пригласить к себе. Вот уж что-то новенькое.

А ещё письма, конечно. Куча писем. Но его взгляд обычно цепляли те, что были написаны от руки. Что-то в них создавало более сильное чувство важности. Потому что остальные очень часто оказывались просто завуалированными - или не завуалированными - бизнес-предложениями от всяческих предпринимателей и лордов. Все они хотели устроить встречу или поговорить о какой-нибудь «возможности».

Хотя игнорировать всех было грубо, у него просто не было времени думать о таком прямо сейчас.

Но да. Письма от руки. Эти всегда ощущались более особенными, хотя ко второму параграфу он частенько обнаруживал, что там тоже были какие-нибудь предложения бизнеса. Ничего, все хорошие полностью перекрывали плохие.

Маленький мальчик написал ему. Семи лет, по его собственному заявлению в первой же строке. Он хотел знать, как Гектор стал таким храбрым. И просил совета, чтобы стать таким же.

Вот уж тяжёлый вопрос.

Он не хотел лгать ребёнку, как и не собирался писать банальностей, в которые и сам не верил, поэтому над ответом ему пришлось посидеть немного дольше, чем следовало бы, учитывая, сколько ещё дел нависало над душой.

Хотя и решив отложить письмо, Гектор обнаружил, что думает над ответом снова и снова, пока занимается другими делами. Временами он замечал, что даже не использует для этого фоновый мыслительный процесс. А просто думает как обычный человек, пока на автопилоте бродит по Уоррену.

В итоге он всё же придумал, что написать:

Дорогой Калев Хамервел,

Благодарю Вас за это письмо. Я долгое время думал над Вашими вопросами. Храбрость кажется мне забавной вещью. Вы говорите, что я храбр, будто это очевидный факт, в то время как я сам никогда не считал себя храбрым. Сделанные мной дела можно назвать храбрыми, но я бы назвал их тем, что должно было быть сделано. Потому что, если бы я хотя бы не попытался, могло случиться что-то очень плохое.

Так что, думаю, вот мой ответ на Ваши вопросы, Калев. Не думайте о храбрости. Просто делайте то, что считаете правильным – и прикладывайте столько усилий, сколько возможно. Временами это очень трудно, поэтому не беспокойтесь, если не получится. Один мой хороший друг однажды сказал, что мы не должны грустить из-за неудач. Мы должны становиться лучше, пока не станем достаточно хороши, чтобы добиться успеха.

Простите, если это не тот ответ, которого Вы искали. И поздравляю с седьмым днём рождения.

С наилучшими пожеланиями,

Гектор Гофф.

Если бы только все полученные письма были бы такими. Он был бы не против отвечать на них целыми днями.

К несчастью, хотя были и другие такие же невинные письма – например, одно от милой маленькой девочки, просящей его жениться на ней, когда она вырастет – часто ему попадались письма, оставляющие за собой боль в сердце.

Один мальчик хотел попросить его прийти и побить хулиганов в школе. Другой просил вернуть кошку к жизни. Ещё один умолял сделать так, чтобы мама перестала пить.

Гектор хотел ответить всем и каждому, но половину времени не знал как. И их было так много. Десятки только за прошлый месяц. Госпожа Роджерс помогала ему разобраться в них, но даже

с её помощью у него не было столько времени на это, сколько хотелось бы.

Он думал о том, чтобы попытаться организовать небольшую команду исключительно для этой цели. И, может быть, нормальную почтовую комнату? Хм-м. А в какой башне? Ой, в Книжной конечно.

Такими темпами Уоррену предстояло становиться всё более и более шумным. Он не хотел воображать, насколько тяжёло придётся, если вместо десятков каждый месяц ему будут приходиться сотни настоящих, искренних писем. А учитывая, во сколько раз в таком случае умножится всевозможный спам...

Да, отдельная комната для почты была бы неплохой идеей. Если подумать, вроде как, Амелия Картрейсис расположила одну рядом со своим кабинетом, но в последнее время она не так часто появлялась в Уоррене. У неё было очень много дел в паре офисов Национального Банка Тёмной Стали, расположившихся в деловом районе Серой Скалы.

А это была ещё одна большая забота. Он бы с удовольствием оставил на неё абсолютно все вопросы в отношении банка, но нисколько не сомневался, что если хотя бы немного не будет стараться учиться коммерции, то потом заплатится за это. Конечно, он сомневался, что достигнет в этом настоящего успеха, однако получится довольно глупая ситуация, если ему неожиданно придётся участвовать в какой-нибудь встрече или чём-то вроде того, а он ничего не сможет понять.

И в вопросе расширения банк определённо был ключевой фигурой. Как для Уоррена, так и для его новой земли в Лоренте. Это немало работы, с финансовой точки зрения, и её удар возьмёт на себя банк.

Обсудив вопрос с госпожой Картрейсис, они решили, что действительно расширят свои операции в Лорент и предоставят полный набор услуг всем жителям на территории Гектора там. Чтобы позже расширяться и на остальной Лорент, хотя с этим спешить не стоило, сначала не помешало бы укрепить позиции.

Учитывая всё, что сказала Королева Хелен, когда Гектор впервые решил обсудить с ней вопрос земель в Лоренте, их расширение туда вряд ли её обрадует. Гектор понимал её опасения на тему того, что банк слишком быстро и слишком сильно вырастет, но ещё он понимал долг перед людьми, положившимися на него.

Не говоря о том, что если они не расширятся в Лорент в ближайшее время, то дело будет не просто в «замедлении» роста банка, они застрянут на месте и даже потеряют деньги из-за законов Атрии.

По крайней мере, так он понимал нынешнюю ситуацию. Он беспокоился, что, возможно, старые банкиры, дающие ему советы, могли несколько приукрашивать и рисовать картину более мрачными красками, чтобы он согласился на расширение, но, насколько мог судить, ему говорили правду. Он и сам читал законы. Узнал о том, как их применяют на практике. И

посоветовался с несколькими жнецами и рейнлордами, разбирающимися в финансах и политике.

Это был необходимый шаг. Он верил в это. Даже если в процессе придётся расстроить Королеву.

Чем больше времени шло, тем больше Гектор думал о том, что произойдёт, если между ним и Королевой начнётся настоящая ссора. Он чувствовал, что это, с политической точки зрения, его самые важные отношения. И после всего, через что она прошла, что сделала для него, он ненавидел саму мысль о том, чтобы поссориться с ней.

Мог ли он хоть что-то сделать, чтобы наверняка остаться в хороших отношениях с Королевой? Наверное, мог, да? Ну конечно мог. Нужно было только понять, что.

Он почувствовал, как древние воспоминания Свечи начали подниматься на поверхность подобно пузырям, пытаясь показать свою важность для его нынешних мыслей.

Хм-м.

Королевство в упадке. Клан воинов, возведённый в знать поколения назад, теперь постоянно подвергался нападкам со стороны королевского двора. Вскоре сам король начал отщипывать их политическую власть понемногу. Проходит десятилетие – и от их бывшей славы остаётся только тень, от власти – только вид. Разговоры о гражданской войне идут уже много лет, как наконец они перестают быть разговорами, но к тому моменту слишком поздно. У них нет ни влияния, ни ресурсов, чтобы победить, и в итоге их всех обезглавливают.

Но даже так война наносит непоправимый удар королевству. Делает его ещё более уязвимым, чем оно было. И вскоре начинается новая война – из-за короля соседней страны, решившего воспользоваться шансом.

Завоевание происходит быстро, и одного из королевств больше нет.

Хм...

Это было не очень приятно. И, наверное, немного пристрастно. Может, какое-нибудь другое воспоминание будет лучше.

Хм-м. Одержимая королева. Желанием восстановить свою религию как самую популярную в королевстве. Она обращает своего мужа ещё в юности, а он ссорится со жрецами двора на протяжении всего его властвования. Многие называют её ведьмой, демоном, каргой, а когда муж погибает от пневмонии, то обвиняют её.

Но у неё есть вера. И свои жрецы. И иностранное, поддерживающее её папство. Вместе они

созывают орден священных воинов. Корона должна перейти старшему сыну, но он был рождён предыдущей, отлучённой королевой, и потому не любит её, а она не любит его. Если позволить ему принять корону, он обезглавит её при первой же возможности.

Поэтому начинается война. Её священная армия побеждает.

И в её сердце нет милости. Что было бы сделано с ней, она делает со своими врагами.

...Господи, какого хрена? Это даже хуже, чем в прошлый раз. И сколько ещё воспоминаний закончатся обезглавливанием?

— Эм... лорд Гофф? — прозвучал женский голос.

Он поднял взгляд от своего стейка со шпинатом и сливками на знакомую девушку по другую сторону большого стола в трапезной Башни Ночи.

Это была Селена Кортес, племянница Юсеффа. Но её жнеца, Оджарию, он не видел.

Гектор знал, что эти двое прорабатывали какие-то проблемы отношений – довольно серьёзную беду между жнецом и слугой. И был ещё больше благодарен Гарвелю, хотя в то же время каким-то непонятным образом испытывал ответственность за них. Как лорд владения Уоррен, в котором сейчас жили все они, он чувствовал, что должен приглядывать за каждым.

Он ещё давно упомянул их проблемы Юсеффу, который, по всей видимости, решил открыто попытаться помочь им восстановить отношения. Они вместе с сестрой, Джоаной, встретились с Оджарией и в итоге установили строгий график времени, в которое они могли встречаться. Насколько понял Гектор, другие главы и жнецы домов Элрой и Кортес устраивали регулярные обсуждения с Оджарией в форме чего-то вроде сеансов у психолога.

Что было довольно интересным концептом. Жнецы – бессмертные и так много знающие о мире, едва ли были простыми пациентами, но он подозревал, что если кто-то и способен повлиять на них, так это другие жнецы.

Вероятно, это дело стало ещё труднее теперь, когда Юсефф и все остальные выдающиеся рейнлорды улетели за границу. Гектор не мог отрицать, что немного беспокоился за прогресс Селены и Оджарии.

Поэтому, когда она пришла к нему сама, то ему стало любопытно.

— Здравствуйте, госпожа Кортес, — сказал он, опустив вилку и нож.

— Простите, что отвлекаю Вас во время еды, — сказала она, на мгновение оглянув сиденье

напротив и подумав сесть, но в итоге не решившись на это.

— ...Что-то произошло? — спросил он.

Стоп, может, стоило пригласить её сесть? Наверное, да. Чёрт.

— Ой, нет, я просто... эм... — Она осмотрелась вокруг. Ещё несколько рейнлордов теперь смотрели в их сторону. — Простите. Кажется, я не вовремя, да? Мне жаль. Я пойду.

И она уже поворачивалась уходить.

— Подожди, — сказал Гектор, теперь больше озадаченный, чем встревоженный. — В чём бы ни было дело, просто садись и расскажи мне.

Она уставилась на него ещё на секунду, своими большими серыми глазами. Затем снова огляделась вокруг и наконец села. Молча.

Гектор ждал.

Она продолжала молчать.

Эм-м.

Какого чёрта?

Девчонок всегда было практически невозможно понять, но он должен был признать, что Селена постоянно доказывала, что из всех, кто ему встречался – именно она казалась самой непостижимой. Он всё ещё помнил, какой ликующей и решительной она выглядела за той гигантской пушкой на поезде Подкорки. А затем он нашёл её во второй раз, паникующую и рыдающую, пока Оджария на неё кричала. В итоге Гектор просто не понимал, как объединить эти два совершенно разных существа.

Конечно, может, она была полна наивной смелости и ещё просто не понимала, какой опасности себя подвергает. На самом деле, почти наверняка именно так и было. Но ему стало интересно, не прячется ли эта смелая часть неё где-то внутри? До сих пор он не видел её вновь, но разве способны люди так быстро и сильно меняться?

Она сбежала от своей семьи во время смертоносного путешествия поездом по незнакомым землям, полного бандитов и монстров. Не могла же она совсем не понимать опасности, которой себя подвергала. Это определённо требовало некоего уровня смелости.

Не то, чтобы он хотел снова увидеть такую безрассудность с её стороны, конечно. Ему просто было любопытно. То, какой она человек на самом деле.

В конце концов, он начинал понимать, что у него самого... были разные стороны, скрывающиеся внутри. Логично, если у других людей всё обстоит так же, да?

Пока складывалось впечатление, что воскрешать разговор предстояло Гектору, поэтому он отчаянно пытался что-нибудь придумать. Может, стоило позвать Гарвеля или просто попросить у него совета, но...

Хм-м.

По какой-то причине он не хотел. Почему-то это казалось ему неправильным. Или невежливым по отношению к Селене, возможно.

Ну и странное чувство.

— ...Ты о чём-то беспокоишься? — попытался он. — Или, может, есть что-то, с чем я могу помочь? Или... эм...

Потребовалось ещё немного времени, прежде чем она смогла ответить:

— Мне нужно Ваше мнение.

Что ж, уже что-то.

— Хорошо. На тему чего?

— На... эм...

Она тревожилась так сильно, что Гектор не знал, удастся ли ей закончить это предложение.

Чёрт. Вот так ещё недавно выглядел разговор с ним?

Вау.

Но ей всё-таки удалось вытащить из себя слова:

— На тему... Вашей еды. Стейка. Как он Вам?

Стейка? Это точно не то, чего он ожидал. Впрочем, он вообще ничего не ожидал.

— Эм... а почему ты спрашиваешь? — А затем он вдруг понял: — Его приготовила ты?

Её глаза открылись шире и она закивала, сначала смущённо, затем энергично.

— Вам понравилось?

Вот дерьмо. Он себя дегустатором не считал. Он только недавно полюбил стейки, поэтому ему и сравнивать было не с чем.

Хотя это не было похоже на хороший ответ. На самом деле, это было похоже на худший ответ, что только есть.

— Эм, ага. Довольно хороший, на самом деле. Я думал, что его приготовил Льюис, как и прошлые.

На её лице появилась улыбка, резко сменившаяся скептическим взглядом:

— Вы говорите правду? Или просто не хотите задеть мои чувства?

— Нет, я...

— Мне не стать лучше без честной критики, лорд. И если каждый сделанный мной стейк в будущем будет на вкус как дерьмо, то винить Вам придётся только себя.

Вот теперь была его очередь открыть глаза пошире. Она умела заставить его врасплох.

— Я честно, — сказал он, хихикая под нос.

Её глаза загорелись снова, прежде чем она опять прищурилась:

— Правда? Не уверена, верю ли я Вам. Временами Вы кажетесь... слишком добрым для правды.

— Клянусь, я правда так считаю, — сказал он, снова смеясь. — Хотя, должен отметить, я не дегустатор, так что, если хочешь стать лучше, то тебе стоит обратиться к кому-нибудь подходящему.

— О, с этим мне помогают Льюис и Марго. Вообще, это так безумно. Они удивительно добрые старики. Прямо-таки идеальная пожилая пара. Но когда просишь их научить тебя готовить, то

превращаются в самых остервенелых учителей, что я встречала.

— Вау, серьёзно? Они всегда казалась мне такими спокойными.

Она вновь замолкла и заморгала, видимо ещё раз подумав над сказанным:

— Н-нет, я не имела в виду ничего такого, я их обоих очень люблю и невероятно им благодарна. А жалею просто... ради развлечения, наверное.

Гектор приподнял бровь, не сумев скрыть улыбку:

— Развлечения?

— Ну да, будто Вы никогда херню не говорили. Это мелочь. Я просто вдруг подумала, что Вы воспримете мои слова слишком серьёзно и решите на них наехать. А это последнее, что мне нужно. Они слишком добрые для этого мира и не заслуживают ни единого дурного слова.

— Итак, сначала ты говоришь, что я слишком добрый, а теперь беспокоишься, что я устрою милым старичкам взбучку?

— Ну, да, я ведь Вас почти не знаю.

— А мне кажется, что ты просто очень беспокойный человек.

— Довольно грубо. И это неправда. Вообще, я стараюсь тревожиться поменьше, но это не так просто.

Гектор прекрасно её понимал.

— Ага, я... ну, откровенно говоря, такой же. Порой трудно не нервничать по всяким пустякам.

— Да ну? Выглядите Вы всё время холодным как железка. Хотите сказать, что глубоко внутри Вы не железка?

— Эх, боюсь, что так...

— Хм-м. Тогда какая аналогия будет подходящей? Тёплый как селёдка?

— Ч-что?.. Почему селёдка?

— Не знаю. Просто перебираю идеи.

— Какое отношение ко мне вообще имеет селёдка?

— М-м, тогда, эм, может, тёплый как мотоцикл?

— Мотоциклы тёплые?

— Наверное. Когда работают.

— В обычном состоянии они всё же холодные.

— Тёплый как водопад.

— Водопады вообще не тёплые.

— Тёплый как тёплый водопад.

— Ты просто дважды использовала слово «тёплый».

— Тёплый как тёплый источник.

— Ты опять это сделала!

— Тёплый как война с волшебниками.

— Насчёт этого я даже не знаю, что сказать.

— Эй, вообще-то это очень даже логично. Волшебники бросают шары огня, да? Значит, война с ними должна быть тёплой! И звучит прикольно!

— Я уже забыл из-за чего мы вообще подняли эту тему.

Селена хихикнула, но не стала продолжать - впрочем, не из-за желания остановиться. По её виду было понятно, что она просто думает над следующим вариантом.

Гектор чувствовал, что если не успеет сменить тему, то они ещё долго будут так продолжать:

— А сама-то ты что-нибудь ела?

Это застало её врасплох:

— Эм, э-э, нет...

— Тогда почему бы тебе не захватить что-нибудь на кухне и не присоединиться ко мне? Или я могу разделить стейк, если хочешь.

— Что? Нет, я бы не смогла - то есть, я ведь его для Вас сделала. Было бы странно, если бы я... эм... если бы я... это просто грубо, откровенно говоря, как Вы вообще?..

Хм-м. Предлагать такое было странно? Может быть. Как минимум, она по какой-то причине засмушалась.

Причину он не понял.

— Тогда, может, шпината?

Она резко прекратила бурчать:

— ...Я ненавижу шпинат.

Гектор невольно усмехнулся:

— Да, думаю, он не для всех. Хотя штука полезная, как говорят.

— Если он хочет, чтобы я его съела, тогда пусть не будет на вкус как трава.

— Не думаю, что он чего-то хочет. Он уже и так шпинат.

— Я больше по мясу.

— О, так ты всё-таки хочешь стейк, — сказал он, начиная отрезать ей порцию.

— Нет, я не... так, хватит. Если захочу, то сделаю себе сама. А Вы сидите и ешьте! Клянусь, если Вы продолжите пытаться подсунуть мне стейк, то я начну думать, что Вы солгали о том, что он Вам понравился, и просто ищете отговорку, чтобы не заканчивать!

Господи, снова она разгоралась. И как ей только удавалось так резко перепрыгивать от смущения к нападению.

Хотя ему было забавно за ней наблюдать, и он, повинувшись, действительно вернулся к стейку, пока ждал, чтобы она успокоилась и пришла в себя.

Как только это произошло, за их столом вновь воцарилась тишина. В этот раз не такая неловкая, как раньше. Скорее всё выглядело так, будто они оба ждали действий друг от друга, чтобы тут же контратаковать.

Ну или так ему казалось. Он улыбнулся, пока жевал.

— ...Тёплый как шерстистый мамонт, — сказала Селена.

Да твою мать.

.

Редактор: akkunin

<http://tl.rulate.ru/book/1701/3501022>